

Мифологическая символика луны в поэзии Лины Костенко

Цепкало Татьяна Александровна
Херсонский государственный университет

В статье исследуется мифологическая символика образа луны в поэтических текстах известной украинской писательницы Лины Костенко. Рассматривается индивидуально-авторский подход к трактовке архетипного образа луны, его влияние на художественную манеру поэтессы и связь с архаическим мифомышлением древних славян.

Ключевые слова: мифологема, образ луны, мировоззрение, мифопоэтика, мифотворчество, мифомышление.

Mythological symbols of image of the moon in the poetry by Lina Kostenko
Tsepkało Tatiana Aleksandrovna
Kherson State University

The mythological symbolic of the image of moon in poetry of the famous Ukrainian writer Lina Kostenko is investigated in the article. Individual-author's approach to interpretation of an archetypal image of moon, its influence on an art manner of the poetess and communication with an archaic mythical mentality of the ancient Slavs is considered.

Key words: mythologema, the image of moon, worldview, myth poetics , myth creation , mythic mentality.

Исследование мифологических структур в системе художественного мировоззрения художника является ключом для раскодирования глубинных смыслов авторского мифомышления, включающего в себя как мировые и этнонациональные культурные достижения, так и особенности индивидуального мировосприятия, которые формируются на рациональном опыте и объединяют в себе реальную и воображаемую действительность. Все компоненты мифосознания на чувственном уровне чаще всего реализуются в художественном творчестве. Основой для объяснения мироздания считаются древние представления и верования, в которых отражаются онтологические и аксиологические концепты на ментально-вербальном уровне.

Мифологические ориентиры поэтического творчества Лины Костенко в украинском литературоведении исследуются достаточно широко, однако целостного представления о мифом мире художественного пространства поэтессы единичные научные исследования пока не дают. Так, А. Бидюк анализировала микрообразы, спроектированные по индивидуальному и коллективному бессознательному писательницы. О. Слоневская рассматривала античные мотивы и библейские образы и сюжеты в творчестве Лины Костенко. Я. Голобородько изучал категории человека, судьбы, времени в поэтических рефлексиях автора. И. Ткаченко освещала мифологическую парадигму топоса степи в художественном мире поэтессы. Н. Криловец исследовала мотив осени в натурфилософской поэзии, а А. Ковалевский – украинский комплекс «верности-измены» в контексте лирико-эпических произведений Лины

Костенко. Мифологема луны в поэтических текстах украинской поэтессы объектом исследования не была, но представляет собой важный компонент в построении авторской картины мира, обуславливает актуальность нашей научной статьи.

Луна в поэтических произведениях Лины Костенко чаще всего изображена в традиционном русле, воплощая в себе еще дохристианские верования и представления. Так, в поэме-балладе «Скіфська одіссея» поэтесса не только знакомит читателя с бытом и жизнью древних скифов, но и акцентирует внимание на их вере и культуре:

*Не визнають тут Зевса і Паллади.
Тут сповідають люди на Дніпрі
високий культ астральної триади –
культ Місяця, культ Сонця, культ Зорі [4, с. 454].*

«Небесные светила в славянском фольклоре приобрели антропоморфные черты, что свидетельствует об обожании их древними» [8, с. 42]. Кроме того, такой культ был связан с важностью для наших предков небесного огня, которому они поклонялись. Космический Огонь был частью зодиака и олицетворялся в триаде светил [3, с.227].

*Вони з вогню, у них душа нетлінна.
У них і серп – як місяць молодик [4, с.455].*

В художественных деталях поэтесса закладывает особый смысл. Например, упоминание о нетленной душе есть частью как языческого, так и христианского верования в загробную жизнь. А. Демченко утверждает, что «Сакральный фрагмент концепта *душа* в лирике Лины Костенко выступает конкретизированным, связанным с религией, с Библией» [2, с.70].

Ночное светило в древности сравнивали как с различными предметами быта, так и с людьми. Если молодой месяц похож на серп, то полный – на бочку:

*Тут і діжа в них, наче місяць вповні.
У них і місяць сходить, як діжа [4, с.455].*

Упоминается здесь также и о свадебном ритуале. Символом невесты была звезда, а символом жениха – лунарный образ. [1, с.306]:

*Звуть молодого місяцем і князем.
У них дівчина сходить, як зоря [4, с.455].*

И даже в блюдах был закодирован глубокий символизм. «Чтобы Луна способствовала благополучию человека, ей приносили в жертву вареники, или, как их еще называют, вареные пироги, которые по форме напоминают Луну» [1, с.306]. Именно такой смысл заложен в изображенном писательницей скифском ужине:

*Коли ж вона внесла у друшляку
лунарний символ – ліплені вареники,
то греки також прийняли цей культ
і стали вже навек його зволеники [4, с.455].*

Следовательно, поэтесса подчеркивает, что греческим путешественникам нравятся скифские традиции, которые сейчас можно считать и украинскими.

Проводя параллели между древнегреческим и языческим миром, Лина Костенко не только воплощает идею исторической памяти, но и противопоставляет эти две культуры, о чем свидетельствуют гротескные зарисовки, скрытый смысл, аллюзии. Даже в названии слово «одиссея» употребляется с маленькой буквы и поэтому не воспринимается серьезно.

В стихотворении «І місячну сонату уже створив Бетховен...» сочетаются общепринятые народные представления и индивидуально-авторское видение этого образа. Так, в первой строфе сделан акцент на сравнении современного восприятия небесного светила и его исконных функций:

*І місячну сонату уже створив Бетховен,
і тїнь місяцехода вже зорям не чужа,
а місяць все такий же: і молодик, і повен,
і серпик, і рогалик, і місяць, як діжа [4, с.86].*

Всемирно известное музыкальное произведение немецкого композитора и планетоход для исследования Луны сегодня никого не удивляет. Но несмотря на новейшие достижения науки и искусства, астральное светило осталось таким же, как и миллион лет назад. И так же, как и наши предки, мы наблюдаем на небе все его фазы, которые трактуются автором в соответствии с древним мировоззрением. Кроме того, мифологема луны во второй строфе этого стихотворения символизирует вечность:

*А місяць все такий же, він – місяць, місяченько,
як вчора, позавчора і хтозна ще коли!
І добре, що над нами він висить височенько,
а то б уже й на ньому болото розвели! [4, с.86].*

Уменьшительно-ласкательное обращение к небесному светилу характерно для украинских фольклорных произведений, о чем автор рассказывает в завуалированной форме. Также происходит четкое разделение мира на вертикальную и горизонтальную части. Высоко находится небесное светило, а потому оно касается вертикальной оси и является недостижимым для человека, который находится в горизонтальном пространстве, то есть на земле. Таким образом, топографическая оппозиция «земля-небо» реализует в себе материальную и духовную сферу соответственно. Подтверждением этого является последняя, третья строфа:

*Ходили б там на ньому п'янички петельгузі.
Питали б його зорі, чого він не блищить.
Стоїть над нами Всесвіт у золотій кольчuzі,
і повен місяць сходить над нами, ніби щит [4, с.86].*

В отличие от антропологической теории, здесь на первый план выходит ночное светило, которое стоит в центре мироздания и нивелирует роль человека во Вселенной.

Космичность мышления Лины Костенко проецируется на личную сферу, что приводит к гармонизации микро- и макрокосма. Например, в стихотворении «Юдоль плачу, Земля, моя планета ...»:

*Страждаю, мучусь, і живу, і гину,
благословляю біль своїх тенет.*

*Цю грудочку тепла – у Всесвіті – людину!
І Всесвіт цей – акваріум планет [5, с.275].*

Констатируем здесь децентрализацию человека в алгоритме мироздания, где он является только комочком тепла по сравнению с масштабностью космического пространства, в котором даже планеты воспринимаются не больше аквариумных рыбок.

Такой мировой порядок нашел свое продолжение в стихотворении «Заходить сонце за лаштунки лісу...»:

*І цілу ніч дивися хоч задурно
у те склепіння, де горить Персей,
жонглює космос бриликом Сатурна,
і Всесвіт крутить всю цю карусель.
Ірже Пегас, виблискує Корона,
і Волопас пасе своїх Телят,
і мерехтять у сяйві Оріона
хімерні сальто Діви і Плеяд [5, с.193].*

Мифологизированные образы созвездий дополняют астральную систему миропорядка, которая издавна воспринималась персонифицированной. «Древние названия созвездий – отголосок фантазии человека, его представлений об окружающей среде и первые попытки отгадать звездные узоры» [6, с.43]. Отождествление себя с частью галактики сопровождается переносом на небесную сферу личных чувств:

*Летить Нептун, і я з ним налітаюсь.
Не бійтесь, зорі, я не розіб'юсь.
Я теж тут причепилась і катаюсь,
страждаю, мислю, плачу і сміюсь [5, с.193].*

Такое сочетание микро- и макрокосмических ритмов является отражением антропного принципа взаимодействия человека и Вселенной, согласно которому земная жизнь является обязательной для закономерного функционирования поднебесной, структура которой берет свое начало из личностных универсалий и продолжает свое формирование во вневременном континууме, составляя собой вечность:

*І все кружляє в дивній круговерті,
саме в собі шукає опертя.
І є природа. І немає смерті.
Є тільки різні стадії буття [5, с.193].*

Онтологические основы трансцендентного пространства реализуются и через лунарный образ в стихотворении «І не минає, не минає!»:

*Куди забігти? Аморе, амо...
На карті місяця теж моря [5, с.259].*

Рассматривая астральное светило как один из вариантов, где лирическая героиня могла бы спрятаться сама от себя, она переносит на него свои личные переживания и экзистенциальные настроения. Рассказывая о любви, которая разрывает ей душу, она использует латинское его определение:

Я по-латині: аморе, амо!

Невже від цього рятунку немає? [5, с.259].

Такое лаконичное описание высоких и чистых чувств позволяет читателю понять их глубину, поскольку через все произведение звучит их сравнение с морем:

*А море, мамо,
а море, мамо, теж не минає* [5, с.259].

Омонимичная созвучность и игра слов как семантико-стилистическое явление подчинены единой цели – опoэтизировать любовные страдания и одиночество лирического персонажа. Также такая аллитерация является средством эвфонии в поэтическом тексте, благодаря чему упрощается восприятие и понимание произведения. Мифологема моря здесь играет важную роль, поскольку выступает символом любви, времени и даже бытия:

*Море Кризисів.
Море Ясності.
Море Дощів* [5, с.259].

Итак, архетипический образ луны в поэзии Лины Костенко изображен в соответствии с этноментальными основами украинского народа, отражая архаичные верования, традиции и ритуалы. Отличаясь особым мифологическим типом мышления, Лина Костенко осуществляет редукцию мифа, в котором ночное светило является частью онтологической модели мира. Перенос личностную сферу на макрокосмический уровень, поэтесса отчасти идентифицирует человека со вселенной.

Литература:

1. Войтович В. Українська міфологія. – Вид. 2-ге, стереотип. – К.: Либідь, 2005. – 664 с.
2. Демченко А. Репрезентація концепту «душа» в поетичній творчості Василя Стуса та Ліни Костенко / *Materialy VII Międzynarodowej naukowipraktycznej konferencji «Nauka i ino-wacja – 2011» Volume 10. Filologiczne nauki. Polito-logija.* – Przemysł: Nauka i studia, 2011. – С. 68-72.
3. Знойко О. Міфи Київської землі та події стародавні: [наук.-попул. вид.]. – 2-ге вид. – К.: Молодь, 2004. – 336 с.
4. Костенко Л. Вибране. – К.: Дніпро, 1989. – 558 с.
5. Костенко Л. Річка Геракліта: Вірші; упоряд. та передм. О. Пахльовської; післямова Д. Дроздовського; худож. С. Якутович. – К.: Либідь, 2011 – 336 с.
6. Слов'янський світ. Ілюстрований словник-довідник міфологічних уявлень, вірувань, обрядів, легенд та їх відлунь у фольклорі і пізніших звичаях українців, братів-слов'ян та інших народів / Упорядник О.А.Кононенко. – К.: Асоціація ділового співробітництва «Український міжнародний культурний центр», 2008. – 784 с.